Труды Киевской Духовной Академии

# Христіанство и политика

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что мы живемъ наканунѣ общаго религіознаго обновленія, быть можетъ, даже религіозной реформаціи. Потребность этого обновленія чувствуется во всѣхъ сферахъ религіозной жизни. Церковная организація и ея отношеніе къ свѣтской власти, идеи и принципы христіанскаго вѣроученія, учебно-воспитательныя задачи общей русской школы и спеціально школы духовной, наконецъ, формы религіознаго общенія вѣрующихъ другъ съ другомъ и съ Богомъ,—все это настоятельно требуетъ пересмотра и согласованія съ новыми запросами религіознаго сознанія, съ новымъ обогащеннымъ всѣмъ историческимъ опытомъ пониманіемъ Евангельскихъ истинъ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ едва-ли не первое мѣсто занимаетъ по своей неотложности вопросъ объ отношеніи христіанства къ политической жизни. Здѣсь слѣдуетъ видѣть первое звено въ связной цѣпи религіозныхъ вопросовъ. Религія не можетъ возродиться, если она не будетъ проникнута духомъ свободы. Но она не можетъ быть свободна въ политически несвободномъ государствѣ, какимъ до сей поры является наше отечество. Поэтому-то изъ всѣхъ назрѣвшихъ религіозныхъ вопросовъ самымъ важнымъ является для Россіи вопросъ объ отношеніи христіанства къ политикѣ.

Но обращеніе христіанства къ общественно-политическимъ задачамъ является назрѣвшимъ не въ одной только Россіи. Политическія формы и устройство всюду и вездѣ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


остались до сихъ поръ лишенными какого-бы то ни было воздѣйствія со стороны христіанства.

Можетъ показаться страннымъ, что такая основная задача христіанства, какъ устроеніе общественной жизни, предстала предъ нимъ только въ послѣднее время, что будто бы только теперь, спустя чуть не 2000 лѣтъ, христіанству приходится приступать къ осуществленію своей основной и главной цѣли — созданію жизни на религіозныхъ началахъ. И какъ много упрековъ пришлось выслушать христіанству за эту 2000-лѣтнюю политическую косность и, что еще хуже, лживую политику во имя Христа. А. Менгеръ въ своей недавно вышедшей книгѣ „Новое ученіе о нравственности“ ядовито, но фактически вѣрно, отмѣчаетъ, что „напрасно христіанство проповѣдовало въ теченіе двухъ тысячелѣтій чрезмѣрную любовь къ ближнимъ, такъ какъ въ то же время оно дало свое благословеніе и имущественному строю, и военному государству, и абсолютизму, короче говоря всѣмъ тѣмъ установленіямъ, которыя отдѣляютъ человѣка отъ человѣка“. Этого, къ сожалѣнію, нельзя отрицать. Политическая жизнь и отношенія въ христіанскихъ государствахъ не только находятся до сихъ поръ въ противорѣчіи съ основоположеніями христіанской этики, но даже едва-ли сколько-нибудь сгладили эти противорѣчія за это время. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы христіанское самосознаніе не претерпѣло за всю исторію ровно никакого измѣненія. Конечно, сознаніе христіанина XX вѣка во многихъ отношеніяхъ приблизилось къ христіанскому идеалу. Но это приближеніе замѣтно главнымъ образомъ въ индивидуальномъ или личномъ сознаніи, общественныя-же его проявленія, насколько они опредѣляются политическими формами и отношеніями, находятся въ прежнемъ кричащемъ противорѣчіи съ духомъ христіанства. Общественная совѣсть попрежнему и даже еще громче вопіетъ объ узаконенной неправдѣ и всякаго рода насиліи и порабощеніи. Отношенія индивидуальной нрав-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



ственности къ общественно-политической въ нашихъ христіанскихъ государствахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ знаменитому изреченію древняго Рима: „Senatores boni viri, senatus autem mala bestia“. Но если по отношенію къ римскому сенату эпитетъ „mala bestia“ имѣлъ укоризненно-ироническій смыслъ, то въ примѣненіи къ современнымъ христіанѣйшимъ государствамъ онъ звучитъ самымъ трагическимъ диссонансомъ. Вообще несоотвѣтствіе практики теоріи въ области нравственности достигло въ настоящее время своего апогея. Наша государственность есть поистинѣ нравственный эмбріонъ не смотря на XIX вѣковъ христіанства. Кто-же виноватъ въ этомъ, невольно напрашивается вопросъ,—человѣческая природа или, быть можетъ, само христіанство, оказавшееся неспособнымъ ее переродить въ духѣ своего ученія? Мы склонны думать, что въ данномъ случаѣ не приходится говорить о чьей-либо виновности и что во всякомъ случаѣ тѣ укоры, которые слышатся со стороны противниковъ христіанства, имѣютъ въ своей основѣ крайнее легкомысліе и пристрастіе, а никакъ не справедливость. То, что человѣчество почти еще не приступило къ реализаціи христіанской нравственности въ общественно-политической жизни, является въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжнымъ историческимъ фактомъ. Фактъ этотъ объясняется, главнымъ образомъ, сложностью и громадностію поставленныхъ христіанствомъ задачъ, требующихъ извѣстной послѣдовательности въ своемъ разрѣшеніи. Достаточно взглянуть на историческое прошлое христіанства, чтобы понять неизбѣжность этой послѣдовательности,—неизбѣжность того, что именно теперь, на порогѣ третьяго тысячелѣтія, приходится задаваться цѣлью христіанизировать строй христіанскихъ государствъ, внести въ нихъ духъ Христа не на словахъ только, а на дѣлѣ.

Первой задачей христіанства послѣ завоеванія имъ права на свое существованіе было созданіе *единой* Церкви, являющейся непосредственною связью человѣка съ Богомъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



При разрѣшеніи этой задачи нужно было бороться противъ естественнаго стремленія къ раздробленію и разъединенію,— стремленія, зависящаго отъ различія человѣческихъ мнѣній о предметахъ вѣры и отъ всякаго рода личныхъ и общественныхъ раздоровъ. Нужно было выработать и формулировать единое религіозное міровоззрѣніе и кромѣ того создать единую прочную организацію, стоящую надъ всѣмъ личнымъ и индивидуальнымъ и независимую отъ личныхъ человѣческихъ достоинствъ и недостатковъ. Это было выполнено отчасти общимъ религіознымъ сознаніемъ христіанъ, получившимъ выраженіе во вселенскихъ соборахъ, отчасти усиліями отдѣльныхъ представителей христіанства. Между послѣдними наибольшее значеніе въ дѣлѣ основанія единства Церкви имѣетъ несомнѣнно бл. Августинъ. Сильный волею и съ глубокимъ умомъ, онъ лучше всѣхъ понялъ, о чемъ прежде всего слѣдуетъ позаботиться новой Церкви и на что должны быть направлены всѣ ея усилія. Возникшая въ языческомъ государствѣ и привитая сознанію большинства людей чисто внѣшнимъ государственнымъ актомъ, новая религія не могла требовать отъ народа общаго нравственнаго обновленія. Развращенность исторической эпохи была черезчуръ велика, а христіанскій долгъ черезчуръ высокъ и труденъ, чтобы между ними могло состояться какое-нибудь примиреніе и связь. Требовать отъ членовъ Церкви *нравственнаго* совершенства значило бы въ то время взваливать на нихъ бремена непосильныя. Такое требованіе могло бы только погубить Церковь или внести въ нее фальшь и лицемѣріе. Можно было думать только о прививкѣ христіанства человѣческому сознанію, но вовсе не о реализаціи его въ жизни. Церковь могла ждать отъ своей паствы только вѣры и надежды на нравственное возрожденіе и спасеніе. Основой этой надежды не могли быть слабыя человѣческія усилія, но лишь нѣчто безусловное, по отношенію къ человѣческой природѣ *сверхъестественное*. Такой сверхъестественной, нравственно воз-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


рождающей и спасительной силой была въ ученіи блаж. Августина божественная *благодать*. Церковь же была необходимой посредницей въ полученіи благодати изъ ея божественнаго первоисточника. Этическій супранатурализмъ велъ къ супранатурализму церковному. Церковь оказывалась такимъ образомъ святой таинственной организаціей, стоящей выше человѣческаго несовершенства и нисколько не зависящей отъ нравственнаго достоинства ея отдѣльныхъ представителей. Нельзя не признать, что въ этомъ взглядѣ блаж. Августина было много формализма и пренебреженія къ человѣческому началу въ церковной организаціи, что въ своей борьбѣ съ донатистами, а въ особенности съ пелагіанствомъ, онъ понялъ духъ христіанства нѣсколько односторонне. Но въ то же время нельзя не признать, что эта односторонность была неизбѣжной въ то время, что именно она спасла Церковь отъ начинавшагося разложенія, сдѣлала ее единой и органически сильной. Необходимо было на время закрыть глаза на несовершенства отдѣльныхъ частей, пренебречь внутреннимъ содержаніемъ и устремить все вниманіе на внѣшне-связующую работу, *на созданіе* стойкой и могущественной церковной *формы*. Подобно архитектору, воздвигающему сначала голыя стѣны зданія изъ сырого необработаннаго матеріала и откладывающему на время заботу о внутренней отдѣлкѣ и благоустройствѣ—бл. Августинъ возводилъ фундаментъ и стѣны церковнаго зданія, предоставляя тонкую и сложную работу внутренняго устройства послѣдующимъ вѣкамъ. Если мы вспомнимъ положеніе тогдашней Церкви, возросшей въ центрѣ *язычества* и окруженной со всѣхъ сторонъ варварами, которыхъ она намѣревалась ввести въ свою ограду, то мы поймемъ, какъ необходимъ былъ для церкви этотъ формальный принципъ *единства* и какъ велика была задача, выполненная религіознымъ мыслителемъ V вѣка. Бл. Августинъ дѣйствительно создалъ единую вѣками непоколебимую Церковь, которую не одолѣли ни внутреннія расцри, ни мечи

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


варваровъ. „Ты еси Петръ“,—могъ бы сказать и ему Спаситель Бл. Августинъ былъ дѣйствительно Петромъ историческаго существованія Церкви. Онъ именно далъ основу могучему единству католичества съ его наивнымъ религіознымъ энтузіазмомъ, съ его вѣрой во внѣшнюю силу, столь напоминающую дѣтскую, но пламенную вѣру апостола Петра. Это единство сохранялось отчасти внѣшними насильственными средствами, отчасти-же основывалось на внутренней духовной связи. Такою связью была глубокая вѣра въ непосредственное общеніе Бога съ Церковью, въ святость Церкви, въ ея безусловный авторитетъ и божественную силу ея таинствъ.

Если мы сопоставимъ тѣ принципы, на которыхъ основано было и держалось католичество, съ Евангельскимъ ученіемъ христіанства, то увидимъ, что они далеко его не исчерпываютъ. Духъ христіанства былъ выраженъ въ католичествѣ только отчасти. Оно воспринято лишь религіозный *супранатурализмъ* христіанства. Богъ—Христосъ и Его *сверхъестественное* отношеніе къ людямъ чрезъ посредство Церкви—было первой и послѣдней мыслію католичества. Другая сторона религіи богочеловѣчества—*человѣкъ* съ его сложною духовною организаціею, съ его естественными человѣческими отношеніями,—все это было забыто и оставлено въ пренебреженіи Католичество забыло, что участіе человѣка въ религіи должно состоять не только во внѣшней принадлежности къ Церкви, въ вѣроученіи и выполненіи таинствъ, но и въ высокихъ духовныхъ переживаніяхъ, въ чистотѣ дѣлъ и человѣческихъ отношеній. Эта забытая или непонятая сторона христіанства не замедлила обнаружиться. Скоро открылись тѣ язвы, которыя повели къ разложенію и распаду внѣшне-могущественнаго церковнаго единства. Когда началась торговля божественною благодатью при посредствѣ индульгенцій, когда все внѣшнее великолѣпіе Церкви наполнилось мерзостью лжи, лукавства, корыстолюбія и насилія,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


Церковь не могла уже больше существовать. Долженъ былъ явиться человѣкъ, имѣющій достаточно духовной чистоты и смѣлости, чтобы принять бичъ Христа и изгнать торгующихъ изъ Храма. Такимъ человѣкомъ былъ Лютеръ. Но дѣло реформаціи началось еще задолго до Лютера. Ея начало восходитъ къ XI вѣку, къ первымъ зачаткамъ ренесанса, проявившимся во Франціи. Знаменитый П. Абеляръ былъ предтеча реформаціи. Имъ впервые былъ высказанъ и развитъ глубокій принципъ, составившій впослѣдствіи душу реформаціи. Это принципъ *интенціонализма*. Нравственная сущность человѣка по Абеляру въ его духовныхъ *стремленіяхъ* и *намѣреніяхъ*. Дѣйствія и поступки составляютъ только внѣшнюю оболочку человѣческаго существа. Поэтому *намѣреніе* и душевное *стремленіе* есть самое цѣнное въ отношеніи человѣка къ Богу. Этимъ былъ отвергнутъ клерикализмъ и внѣшнее благочестіе католичества и была поставлена на должную высоту *человѣчность* въ ея индивидуальныхъ духовныхъ переживаніяхъ. Этотъ принципъ былъ углубленъ и введенъ въ религіозную практику въ XIV вѣкѣ нѣмецкимъ мистицизмомъ. Здѣсь мы встрѣчаемся уже со скрытымъ, но мощнымъ теченіемъ реформаціи. Мейстеръ Экгартъ и его ученики были уже истинными реформаторами религіознаго духа. Ихъ экстатическая жизнь въ Богѣ посредствомъ мистическаго созерцанія и любви, внутренная свобода и индувидуальность религіозной жизни, искренность помысловъ и чистота настроеній,—все это уже являлось свѣжей струей въ католичествѣ, заботившемся, главнымъ образомъ, о внѣшнемъ, формальномъ и обще-церковномъ. Лютеръ вывелъ это теченіе на поверхность и смѣлою рукою указалъ на язвы церковнаго организма.

Главной задачей реформаціи было, во 1-хъ, очистить религіозную жизнь отъ той нравственной нечистоты, которая накопилась въ ней вслѣдствіе пренебреженія къ человѣческой природѣ и, во 2-хъ, освободить ее отъ клерикальнаго деспотизма

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



и насилія. Но это была, въ сущности, половина дѣла. Недостаточно получить свободу и очистить храмъ отъ человѣческой скверны. Полнота христіанскаго ученія требуетъ еще христіанской дѣятельности въ мірѣ, т. е. осуществленія положительнаго добра въ области всѣхъ человѣческихъ отношеній, не только къ Богу, но и къ другъ другу, требуетъ добра въ общественной и политической жизни. Но это уже не могла выполнить реформація. Ея задачи и безъ того были достаточно велики. И ихъ было достаточно, чтобы разжечь страсти и вызвать неугасимую ненависть сторонниковъ старыхъ традицій. Пришлось вести вѣковую борьбу и за эти примитивныя и основныя условія истинной религіозной жизни. Закончить начатую реформаціей работу, внести христіанскія начала во всѣ сферы человѣческой жизни, наполнить новымъ содержаніемъ государственную жизнь,—это осталось на долю послѣдующихъ эпохъ. Но является вопросъ, отчего-же эта задача не могла быть выполнена и до нашихъ дней? Поскольку этотъ вопросъ касается католичества послѣднихъ вѣковъ, онъ разрѣшается тѣми-же соображеніями, которыя были нами только что высказаны. То, что было необходимо и спасительно въ первые вѣка христіанства—исключительная забота о Церкви, какъ божественномъ и сверхъестественномъ установленіи, со временемъ превратилось въ косность религіознаго духа, въ обоготвореніе церковныхъ формъ и традицій, въ рабство передъ церковною властію. Къ этому присоединилось еще упорство въ отстаиваніи святости Церкви въ лицѣ ея единоличной главы папы и въ отрицаніи всякой духовной свободы и самостоятельности въ области религіозной мысли и практики. Въ половинѣ XIX вѣка католическая Церковь, въ лицѣ іезуитовъ, взывала къ инквизиціи и, быть можетъ, готова была бы ее воскресить, если-бы обладала прежнею силою. Отъ такого безнадежно больного духовнаго организма не могло, конечно, исходить возрожденіе общественной жизни. Что касается

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



православія, то и оно, не смотря на внѣшнее раздѣленіе и борьбу съ католичествомъ, можно сказать, продолжало хранить въ себѣ, въ сущности, тѣ же принципы. Здѣсь мы находимъ ту же исключительную преданность внѣшне-формальной сторонѣ религіозной жизни, состоящей въ сложной обрядности, тотъ же этическій супранатурализмъ, то же преклоненіе предъ традиціями и отсутствіе терпимости.

Но почему же жизненная задача христіанства не была выполнена и до нашихъ дней протестантствомъ послѣ завоеванія имъ правъ на существованіе? Казалось бы, времени для этого было достаточно. Почти все XVIII и XIX столѣтія протестантство пользовалось спокойнымъ и мирнымъ существованіемъ и въ то же время было далеко отъ общественной жизни и неспособно его перородить. Эта косность протестантизма станетъ вполнѣ понятной, если мы обратимъ вниманіе на интеллектуальную жизнь въ XVIII и XIX вѣкахъ. Оба эти столѣтія были не только временемъ государственныхъ переворотовъ, но и глубокаго переворота въ области духовной жизни. Это было время перехода отъ вѣры къ безвѣрію, отъ религіи къ наукѣ и безрелигіозному міросозерцанію. Развитіе наукъ, по преимуществу же естественныхъ, незамѣтно подготовило для этого почву. Принципъ механизма и естественной причиной закономѣрности сдѣлался мало по малу преобладающимъ въ человѣческомъ міросозерцаніи. Религія столкнулась съ научнымъ раціонализмомъ и эмпиризмомъ. Это столкновеніе никогда, конечно, не было безусловно роковымъ для религіи. Глубокіе философскіе умы, подобно Лейбницу, умѣли всегда разоблачить мнимыя противорѣчія и совмѣстить научный духъ съ искреннею религіозностью. Но для сознанія массъ эпоха просвѣщенія и разсудочности была несомнѣнно *крушеніемъ глубокаго религіознаго* чувства и вѣры въ Бога. Умъ человѣка былъ отвлеченъ въ сторону научныхъ изслѣдованій, судившихъ раскрыть тайны природы и жизни. В то же время техника открывала неисчислимые пути культур-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


наго благоденствія. Всѣ помыслы устремились на это техническое дѣланіе жизни, на разнообразныя культурныя завоеванія. Наука и техника обѣщали человѣчеству въ ближайшемъ будущемъ то же блаженство, на которое указывала религія въ туманной дали. Открывались новыя перспективы счастія, виднѣлся рай на землѣ. Рай безъ Бога, безъ религіи, устроенный собственными силами человѣчества. Съ этимъ соблазномъ разума и культуры не легко было справиться религіозному сознанію; тѣмъ болѣе, что орудіе борьбы было не внѣшнее, но внутреннее. Не мечъ и коварство были на этотъ разъ противниками религіи, но безстрастный и объективный разумъ. Религія была побѣждена и находилась въ безплодномъ томленіи. Конечно, раціонализація религіи была дѣломъ неизбѣжнымъ. Свободная религія не могла отказаться отъ свободы и въ области мысли, не могла не придти въ соприкосновеніе съ научнымъ міросозерцаніемъ. Но это соприкосновеніе до сихъ поръ было чисто внѣшнимъ. Наука могла войти въ религію только, какъ инородное тѣло. Для взаимнаго претворенія и примиренія этихъ такъ долго разрозненныхъ областей нужна огромная работа ума при условіи обоюдной терпимости. И работа эта возможна только теперь на почвѣ обширнаго опыта и философскихъ изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій. Конфликтъ религіознаго и научнаго міросозерцанія обусловленъ, главнымъ образомъ, проблемой причинности. Традиціонное понятіе причинности, какъ закономѣрнаго слѣдованія явленій, исключаетъ понятіе живого, причинно воздѣйствующаго на міръ Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ и всякую религію, превращая весь міровой процессъ въ сложное взаимодѣйствіе элементарныхъ факторовъ [1]). Не смотря на то, что антагонизмъ научнаго

[1]) Сущность этого конфликта и его разрѣшеніе съ точки зрѣнія философскаго спиритуализма изложены нами въ статьѣ „Въ защиту чудеснаго“ („Вопросы философіи и психологіи“, кн. кн. 70 и 71).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



и религіознаго міросозерцанія продолжаетъ существовать и до сей поры, его напряженіе въ послѣднее время значительно ослабѣло. Естественно историческое мірообъясненіе, принимающее обликъ различныхъ философскихъ направленій позитивистическаго характера, пошатнулось уже во всѣхъ своихъ основаніяхъ. Прежнее отожествленіе научности съ объясненіемъ всѣхъ явленій изъ слѣпой закономѣрности все болѣе и болѣе обнаруживаетъ свою несостоятельность. Начинаетъ разоблачаться мнимая противоположность между правами разсудка, культуры и религіозности; и религія снова готовится воскреснуть къ новой жизни. Но не является-ли это воскресенье во всякомъ случаѣ нѣсколько запоздалымъ? Вообще оправдываютъ-ли религіозныя задачи христіанства его косность по отношенію къ государственно-общественному устройству? Развѣ невозможно было для Церкви Христовой одновременное воздѣйствіе на всѣ стороны индивидуальной и общественной жизни? Конечно, всѣ эти недоумѣнія нельзя устранить одною ссылкою на сложность и значительность задачъ христіанства. Какъ бы громадна и сложна ни была предстоявшая ему работа, она, повидимому, могла быть подвинута во всѣхъ областяхъ хотя бы отчасти. Но внесено-ли христіанствомъ хоть какое-нибудь измѣненіе къ лучшему въ области государственныхъ формъ и отношеній? Отмѣнило-ли христіанство смертную казнь, упразднило-ли войны или сдѣлало ихъ болѣе мягкими? На всѣ эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. Но и этотъ отвѣтъ не является, думается намъ, камнемъ, брошеннымъ въ христіанство, а тѣмъ болѣе въ его Основателя. Неспособно переродить государственную жизнь не христіанство, а человѣчество. Не въ христіанствѣ, какъ вѣроученіи и религіозномъ настроеніи, слѣдуетъ видѣть эту трагическую односторонность и неспособность соединить помыслы о Божьемъ съ заботой о земномъ, а въ слабой душѣ человѣческой, безсильной соединить въ себѣ Божеское и человѣческое начало религіи Христа.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


Связь съ Богомъ, выражающаяся въ чисто идейной сферѣ вѣроученія, мистическихъ переживаніяхъ и сложномъ установленіи церковной организаціи и ритуала, неизбѣжно отрываетъ человѣка отъ земли и обще-человѣческихъ интересовъ. Присутствовать одновременно умомъ и сердцемъ на небѣ и на землѣ, осуществлять вмѣстѣ объ основныя заповѣди христіанства—любовь къ Богу и къ ближнему—есть труднѣйшая психологическая и моральная задача. Ни одно ученіе человѣческаго ума, ни одна религія не давала человѣческому сознанію задачу такого разнороднаго синтеза. Дѣло осложняется еще и тѣмъ, что связь между этими двумя сторонами христіанскаго ученія недостаточно еще ясна для человѣческаго сознанія. Всегда представляется соблазнъ видѣть въ христіанствѣ только одно стремленіе къ Божественному и потустороннему. Этотъ соблазнъ и порождаетъ то, что нѣкоторые называютъ аскетизмомъ историческаго христіанства, т. е. его оторванность отъ интересовъ общечеловѣческой культуры и общественности. Не ясна еще также связь между христіанской любовью къ человѣку и заботой о государственномъ благѣ. Очень многіе чистосердечно убѣждены, что достаточнымъ выраженіемъ любви къ ближнему можетъ явиться милостыня, отзывчивое и любовное отношеніе ко всѣмъ людямъ, съ которыми сталкиваетъ жизнь. Какъ многочисленны еще и теперь эти человѣколюбивые христіане, одѣляющіе добротой и участіемъ отдѣльныхъ Ивановъ и Петровъ и въ то же время спокойно живущіе на трупахъ тысячъ раздавленныхъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ и даже протестующіе во имя Христа противъ усилій сбросить этотъ гнетъ! Вообще единство и полнота христіанскаго ученія не даются сразу, но достигаются лишь въ процессѣ развитія, въ который историческій опытъ и ростъ всей человѣческой культуры входятъ, какъ интегрирующія части. Эта полнота не могла быть дана, а тѣмъ болѣе проведена въ жизнь, ни на зарѣ христіанства, ни въ послѣдую-


Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



щія историческія эпохи. Для этого необходима извѣстная зрѣлость человѣчества. Мудрено-ли, поэтому, что строй нашихъ государствъ такъ далекъ отъ основныхъ требованій христіанской нравственности? И кто можетъ обвинять въ этомъ христіанство? Отъ имени какого ученія, какой религіи можетъ раздаться такое обвиненіе? Кто успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи что-нибудь большее? Кто переродилъ человѣческія государства или имѣетъ въ рукахъ для этого надежныя средства? Развѣ безрелигіозныя теоріи и ученія общественности не существовали тѣ же 2000 лѣтъ, что и христіанство? Развѣ они не терпѣли то же постоянное пораженіе передъ твердынями человѣческой грѣховности и косности? И это при исключительномъ направленіи всѣхъ силъ и вниманія на структуру человѣческой общественности, при полномъ забвеніи всѣхъ религіозныхъ помысловъ и стремленій, при полномъ ослабленіи связи съ Богомъ.

Думая, что для христіанства наступило время перейти отъ чистой вѣры и идеи къ созиданію жизни и реализоваться такъ или иначе въ политической жизни, мы далеки отъ мысли, что здѣсь на землѣ когда-либо осуществится идеальная христіанская общественная организація. Враждебное христіанству начало черезчуръ прочно укоренилось въ человѣческой природѣ и повсюду распространило свои сѣмена. Но если Царство Божіе или, что то-же, царство Христа здѣсь не осуществимо, то расти и созрѣвать оно должно на землѣ. Здѣсь внутри насъ должны образоваться тѣ духовныя силы и стремленія, которыя въ иныхъ условіяхъ бытія образуютъ новое цѣлое. Этотъ именно смыслъ имѣютъ извѣстныя слова Спасителя: „Царство Божіе внутри насъ“. Въ насъ должно быть Царство Божіе въ томъ же, смыслѣ, какъ дубъ заключается въ желудѣ. Государство человѣческое должно заключать въ себѣ сѣмя государства божественнаго. Поэтому то мы уже здѣсь на землѣ, независимо отъ возможности осуществленія тѣхъ или иныхъ результатовъ,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



должны реализовать христіанское начало государственности. Сѣмена христіанства должны дать свои плоды независимо отъ того, насколько они будутъ заглушены плевелами. Наконецъ, если и нельзя ждать полнаго осуществленія христіанскихъ идеаловъ, то нѣкоторое приближеніе къ нимъ возможно и въ этой земной жизни. По крайней мѣрѣ, исповѣдующіе Христа не могутъ не поставить этого своей задачей. Христіанство вѣры должно, наконецъ, стать христіанствомъ жизни и дѣла.

---

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію того, какія именно требованія должны быть предъявляемы христіанствомъ къ политической жизни, мы должны еще остановиться на вопросѣ о возможности и даже допустимости какой-либо христіанской политики въ смыслѣ воздѣйствія христіанства на политическую жизнь. Это представляется необходимымъ въ виду тѣхъ недоумѣній и возраженій, которыя связаны съ этимъ вопросомъ. Взаимодѣйствіе религіи и государства до сихъ поръ принципіально отрицается не только невѣрующими, но и многими признающими себя истинными христіанами. Очень часто говорятъ о различіи цѣлей, преслѣдуемыхъ религіей и государственной политикой, о томъ, что религія нисколько не заинтересована общественнымъ устройствомъ земной жизни, что она всецѣло тяготѣетъ къ потустороннему идеалу царства Божія и ставитъ себѣ исключительной задачей спасеніе души, а вовсе не земное благополучіе, что вообще христіанство находится по отношенію къ политикѣ какъ бы въ 4-омъ измѣреніи. Всѣ эти и имъ подобныя мнѣнія, повторяемыя съ безконечными варіаціями, особенно обычны для представителей политическаго консерватизма. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, сторонникамъ подобныхъ мнѣній при случаѣ опираться на христіанство же для защиты существующаго государственнаго строя и тѣмъ обнаруживать истинное

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



«снованіе своего мнимаго индифферентизма. Впрочемъ, такое пониманіе взаимоотношенія христіанства и политики проводится нерѣдко безъ всякаго лукавства и съ полною искренностью. Основаніемъ подобныхъ взглядовъ служатъ чаще всего два извѣстныхъ евангельскихъ текста. Первый изъ нихъ содержитъ слова Спасителя о воздаяніи Кесарева Кесарю, а второй слова Апостола Павла о повиновеніи властямъ предержащимъ. Первый изъ этихъ текстовъ толкуется обыкновенно въ томъ смыслѣ, что Кесарево и Божіе «овершенно различныя области человѣческой дѣятельности, что служеніе Кесарю, не имѣя ничего общаго съ служеніемъ Богу, *всегда* съ нимъ совмѣстимо. Второй текстъ получаетъ обыкновенно болѣе спеціальное толкованіе въ смыслѣ требованія полной покорности существующей государственной власти и, что еще важнѣе, въ смыслѣ признанія этой власти обладающей божественною санкціею. „Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“, говоритъ Ап. Павелъ и затѣмъ добавляетъ еще болѣе опредѣленно „противящійся власти противится Божію установленію“. Такимъ образомъ, слова Спасителя приводятся для подтвержденія полной раздѣльности между религіей и политикой, а слова Ап. Павла для подтвержденія политическаго консерватизма, связаннаго всегда съ преклоненіемъ передъ существующею властью. Таковы категорическіе выводы, вполнѣ, повидимому, подтверждаемые категоричностію приведенныхъ текстовъ, представляющихъ къ тому же почти единственныя евангельскія изреченія по занимающему насъ вопросу.

Что касается утвержденія принципіальнаго индифферентизма христіанства къ политикѣ, то оно a priori представляется совершенно недопустимымъ. Христіанство, имѣющее своею цѣлію утвержденіе правды и добра въ человѣческой природѣ, не можетъ быть равнодушнымъ и индифферентнымъ ко всему тому, что имѣетъ прямое отношеніе къ этой правдѣ и добру. Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о правдѣ, о спра-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



ведливости и нравственномъ достоинствѣ, должно вступаться христіанство и давать свое рѣшеніе для утвержденія правды. Политика неизбѣжно касается всего этого, въ политикѣ всегда идетъ борьба между правыми и виноватыми, между ложью и истиною. И все это не можетъ быть чуждо религіи, *не можетъ не быть объектомъ ея суда и рѣшенія.* Но независимо отъ этихъ общихъ соображеній мы должны сказать, что индифферентизмъ христіанства къ политикѣ не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ словахъ Христа о подати Кесарю. Для яснаго пониманія этихъ словъ необходимо обратить вниманіе на специфическое отношеніе іудеевъ того времени къ другимъ народностямъ и государствамъ. Въ основѣ этого отношенія лежала мысль о высшемъ назначеніи Израиля, какъ избраннаго Богомъ народа, о его первенствѣ передъ остальными народами. Съ точки зрѣнія такого религіознаго самосознанія подчиненное положеніе евреевъ по отношенію къ иноземной власти, служеніе интересамъ этой власти въ видѣ подати являлось измѣной своему призванію и въ то же время измѣной Богу. Кесарь противопоставлялся при этомъ Богу не какъ власть вообще, но именно какъ власть языческаго отвергнутаго Богомъ народа. Вопросъ фарисеевъ о позволительности платить подать Кесарю имѣлъ, поэтому, національно-религіозное, а никакъ не общее принципіальное значеніе. И отвѣтъ Христа относился всецѣло къ этому частному вопросу и только его и разрѣшалъ. Однако очевидно, что и при такомъ спеціальномъ смыслѣ словъ Христа: „итакъ отдавайте Кесарево Кесарю а Божіе Богу“ они могли относиться только къ тѣмъ частнымъ случаямъ, когда Кесарево дѣйствительно могло быть отдѣлено отъ Божьяго, когда интересы Кесаря ни въ какомъ смыслѣ не затрогивали интересовъ религіозныхъ, какъ это и было въ вопросѣ о подати. И видѣть въ этомъ отвѣтѣ нѣчто большее, т. е. устанавливать принципіальный индифферентизмъ религіи *ко всей* государственной жизни можно

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



только произвольно, вкладывая въ слова Христа совершенно чуждый имъ смыслъ. *Вообще неправильно искать всегда въ словахъ и дѣйствіяхъ Христа одни только принципы и общія положенія.* Надо всегда имѣть въ виду, что слова Христа это не измышленія теоретика, устанавливающія всегда общіе принципы, *но живая рѣчь*, обращенная къ конкретной дѣйствительности, *относящаяся къ данной минутѣ* и имѣющая зачастую въ виду частныя событія и отношенія. Христосъ далеко не всегда говорилъ только о вѣчномъ и всеобщемъ, *но былъ часто вынуждаемъ обстоятельствами* къ оцѣнкѣ конкретнаго и условнаго. И нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ обобщать эти конкретные моменты жизни Христа въ общія положенія и принципы. Такимъ образомъ знаменитый отвѣтъ Христа фарисеямъ имѣетъ главнымъ образомъ значеніе интереснаго біографическаго эпизода, характеризующаго борьбу съ Христомъ фарисеевъ. Эпизодъ этотъ имѣетъ исключительно историческій интересъ, а вовсе не дидактическій.

Перейдемъ теперь къ извѣстнымъ словамъ Ап. Павла о повиновеніи властямъ предержащимъ. Прежде всего мы должны категорически отвергнуть то весьма обычное толкованіе этихъ словъ, по которому христіанинъ долженъ повиноваться *всякой власти* и во *всѣхъ* случаяхъ, а также *всегда* признавать ее обладающей божественной санкціей. Такое толкованіе совершенно непріемлемо именно съ христіанской точки зрѣнія. При такомъ толкованіи окажется позволительнымъ и даже обязательнымъ для христіанина приносить языческія жертвы, совершать звѣрскія убійства, вообще дѣлать какія угодно преступленія противъ совѣсти и закона, если того потребуетъ предержащая власть. На это часто возражаютъ, что власть, требующая подобныхъ беззаконій, перестаетъ быть властью, что будто-бы въ словахъ Ап. Павла заключается гораздо болѣе *тонкая мысль* о томъ, что всякая власть можетъ быть предержащей *лишь постолько*, поскольку она со-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



гласуется съ Божественной волей. Но въ такомъ толкованіи текста чувствуется двойная фальшь. Во-первыхъ, совершенно неправдоподобно, чтобы Ап. Павелъ, обращавшійся къ простымъ людямъ, недавно пріобщеннымъ къ Церкви, говорилъ съ ними языкомъ, скрывающимъ въ себѣ двойной смыслъ. Но если бы это даже и было допустимо, это не могло бы помочь дѣлу, такъ какъ приписываемая Ап. Павлу мысль, не смотря на всю свою тонкость и кажущееся глубокомысліе, просто не вѣрна. Само Евангеліе даетъ намъ примѣръ того, какъ предержащая власть, въ лицѣ Пилата, допустила вопіющее, съ точки зрѣнія Божественнаго правосудія, дѣло распятія Христа. Затѣмъ римскіе императоры гнали и распинали Христа въ лицѣ его послѣдователей,—и власть ихъ продолжала быть предержащей около трехъ вѣковъ. Была ли эта власть отъ Бога и слѣдовало ли ей повиноваться, когда она принуждала къ отреченію отъ Христа и къ выдачѣ священныхъ книгъ? Но и въ послѣдующіе вѣка исторія могла-бы указать враговъ Христа, а слѣдовательно, и Бога, въ лицѣ многихъ христіанибѣйшихъ царей и императоровъ, производившихъ или допускавшихъ насиліе надъ человѣческой совѣстью и убѣжденіями, бывшихъ человѣкоубійцами въ буквальномъ и широкомъ смыслѣ слова Какъ-же все это примирить со словами Ап. Павла? Мало того, какъ примирить эту безусловную санкцію власти съ ея разнообразіемъ на земной поверхности? Велѣнія власти различны, а иногда прямо противоположны, на различныхъ широтахъ земного шара. Кромѣ того, какъ же быть гражданамъ христіанскаго государства, когда одна власть смѣняетъ другую, когда то, что повелѣвалось вчера, сегодня признается преступнымъ? Измѣнять ли ему свои основныя воззрѣнія на зло и добро, заглушать-ли ему голосъ своей совѣсти въ зависимости отъ этихъ перемѣнъ власти? Всѣ эти и имъ подобныя недоумѣнія совершенно не допускаютъ буквальнаго толкованія словъ Ап. Павла. И остается только удивляться,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



что, не смотря на всю логическую и практическую очевидность вытекающихъ изъ такого толкованія несообразностей, приведенный текстъ продолжаетъ искушать общественную и индивидуальную совѣсть современныхъ христіанъ. Многіе готовы видѣть едва-ли не важнѣйшее проявленіе христіанскаго духа въ слѣпомъ преклоненіи передъ установленными властями. Неповиновеніе власти приравнивается неповиновенію Богу. Забываютъ при этомъ слова Самого Спасителя, предрекавшаго своимъ послѣдователямъ борьбу съ властями: „Прежде-же всего того возложатъ на васъ руки и будутъ гнать васъ, предавая въ синагоги и въ темницы, и поведутъ предъ царей и правителей за Имя Мое“ (Луки гл. 21, стр. 12). Этими словами Христосъ ясно указалъ на неизбѣжность столкновенія христіанъ и властей, на то, что въ грядущей борьбѣ христіанскаго начала съ антихристовымъ предержащая власть, въ лицѣ „правителей“ и „царей“, будетъ противъ Его послѣдователей, что ихъ ждутъ темницы,—наказаніе, практикуемое только государственными властями. Но не только эти слова Христа. Вспомнимъ „звѣря“ великаго откровенія Іоанна. Это-ли не могущественнѣйшая изъ всѣхъ претержащихъ властей. Впрочемъ, противорѣчія буквальнаго толкованія разсматриваемаго текста Ап. Павла съ самимъ христіанствомъ черезчуръ ясны, чтобы на нихъ еще останавливаться. Очевидно, что въ основѣ утвержденій Ап. Павла лежала какая-то другая болѣе частная мысль, принявшая столь общую и категорическую форму лишь по отсутствію историческаго опыта. Для христіанства на зарѣ его земной миссіи не открылись еще всѣ историческія перспективы, не выяснились еще возможныя отношенія его къ міру и человѣчеству. Наиболѣе не ясно было для христіанскаго сознанія того времени отношеніе его къ государственной власти. Причиной этого было то обстоятельство, что христіанство возникло въ странѣ, подчиненной иноземному владычеству. Государственная власть являлась тамъ началомъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



вполнѣ чужеродным. Іудея не жила самостоятельною политическою жизнью. Вся ея политика состояла лишь въ чаяніи ея политическаго освобожденія отъ римскаго ига. Вполнѣ естественно, поэтому, что христіанство съ самаго его возникновенія стало къ государственной власти въ индифферентное отношеніе [1]). Эта власть была чисто внѣшнимъ гнетомъ для іудеевъ. Подъ властью римлянъ евреи были вполнѣ свободны въ сферѣ умственнаго, религіознаго и нравственнаго сознанія Все это не относилось къ интересамъ Кесаря, заботившагося главнымъ образомъ объ исправномъ сборѣ податей и о поддержаніи своего могущества въ этомъ отдаленномъ уголкѣ римскихъ владѣній. *Властителями умовъ и совѣсти были въ Іудеѣ не римскіе намѣстники, а первосвященники, фарисеи и книжники.* И такъ какъ христіанство должно было пропзвести обновленіе именно въ этой области, то они же и должны были стать его первыми врагами. Въ сущности, таково же было положеніе вещей и первое время послѣ воскресенія Христа, въ вѣкъ апостоловъ. Христіанство стало въ антагонизмъ не съ политическою властью, но съ іудействомъ. Отношеніе же римскихъ властей къ христіанству въ то время вполнѣ опредѣляется словами проконсула Галліона, отвѣтившаго іудеямъ, желавшимъ осужденія Ап. Павла за то, что онъ „учитъ чтить Бога не по закону“.—„Іудеи“,—сказалъ Галліонъ,—если бы какая-нибудь была обида или злой умыселъ, то я имѣлъ бы причину выслушать васъ; но когда идетъ споръ объ ученіи и объ именахъ, и о законѣ вашемъ, то разбирайте сами; я не хочу быть судьею въ этомъ“ (Дѣянія гл. 18, ст. 14 и 15).

---

[1]) Это не мѣшало нѣкоторымъ послѣдователямъ Христа, не понимавшимъ Его задачъ и миссіи, думать, что Христосъ возстановитъ политическую самостоятельность Іудейскаго Царствъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



Такимъ образомъ, апостоламъ, видѣвшимъ враговъ христіанства въ іудеяхъ, государственная власть, олицетворявшаяся въ кесарѣ и его намѣстникахъ, представлялась, очевидно, совершенно индифферентной, а иногда, быть можетъ, и доброжелательной. Римскія власти первое время проявляли полную терпимость, а зачастую даже своего рода добродушіе къ этой гонимой и безобидной „іудейской сектѣ“ (это видно, напримѣръ, изъ отношенія къ Ап. Павлу тысяченачальника Лисія (см. Дѣянія гл. 23). Если же государственная власть еще не пришла въ столкновеніе съ христіанствомъ, то вполнѣ естественно было для первыхъ христіанъ видѣть въ ней индифферентную внѣшнюю силу на подобіе силъ природы. Возможно было даже признавать эту силу, имѣющею божественную санкцію въ томъ же смыслѣ, въ какомъ для всякаго религіознаго человѣка дождь, наводненіе, буря, солнечный свѣтъ, вообще всѣ событія въ жизни природы, происходятъ по божественному соизволенію. Мы не хотимъ сказать, что утвержденія Ап. Павла имѣли только этотъ смыслъ. По-видимому, въ основѣ ихъ лежитъ та общая мысль, что власть, какъ общій принципъ человѣческаго общежитія, является неизбѣжнымъ и допущеннымъ Богомъ установленіемъ, и что поэтому принципіальное отрицаніе власти *какъ такової* было бы возмущеніемъ и противъ Бога. Несомнѣнно, однако, что для установленія точныхъ оттѣнковъ этой мысли Апостола огромное значеніе играетъ критическое установленіе первоначальнаго правильнаго текста, и его перевода на русскій языкъ, что, конечно, является совершенно спеціальной задачей. Предоставляя ее спеціалистамъ, мы не можемъ однако не отмѣтить, что такія различія въ существующихъ греческихъ текстахъ (относящіяся къ ст. I гл. 13 къ Римлянамъ), какъ ἀπὸ θεοῦ или ὑπὸ θεοῦ, въ зависимости отъ чего мысль: „всякая власть отъ Бога“ превращается въ мысль: „всякая власть подъ Богомъ“, могутъ въ значительной мѣрѣ ослабить ту *трудность, которую* представляетъ истолкованіе

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



настоящихъ положеній въ соотвѣтствующемъ духу христіанства смыслѣ. Но въ какой-бы формѣ ни разсматривать занимающій насъ текстъ, его традиціонное пониманіе въ смыслѣ оправданія всѣхъ конкретныхъ формъ и проявленій власти должно быть категорически отвергнуто. Такое оправданіе власти *несовмѣстимо съ духомъ христіанства, точно такъ же, какъ и требованіе абсолютной покорности всѣмъ ея велѣніямъ*. Такое требованіе возможно лишь по отношенію къ божественной волѣ. И переносить его на земную власть значитъ ее обожествлять, творить себѣ кумира на землѣ, т. е. грѣшить противъ второй заповѣди. Такимъ образомъ, текстъ Ап. Павла можетъ быть принятъ лишь въ какомъ-либо иномъ условномъ или частномъ смыслѣ. Мы сдѣлали попытку съ своей стороны указать этотъ условный смыслъ, не претендуя, конечно, что наше объясненіе его является единственно возможнымъ.

Мы не можемъ здѣсь обойти еще одного основанія для утвержденія индифферентизма или безусловной покорности христіанъ по отношенію къ власти. Это основаніе—почти полное молчаніе Евангелія по вопросамъ политики. Не только жгучіе вопросы современности, но даже общественныя проблемы той исторической эпохи не затронули вниманія Христа. Онъ не обмолвился ни однимъ словомъ ни объ уничтоженіи рабства, ни о преимуществахъ тѣхъ или иныхъ политическихъ формъ,—и въ этомъ молчаніи многіе готовы видѣть согласіе съ существующими формами политическаго и экономическаго рабства. Но послѣ всего сказаннаго по поводу текста Ап. Павла намъ уже нѣтъ надобности долго останавливаться на объясненіи этого молчанія. Всѣ эти вопросы были внѣ сферы дѣятельности Христа. Быть можетъ, если бы Христосъ родился въ Римѣ или въ Аѳинахъ, Ему нельзя было бы избѣжать этихъ вопросовъ. Но интересы Іудеи были иного рода. Выражаясь современными терминами, для нея существовали только интересы внѣшней политики,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



которые могли затронуть развѣ только воинственный духъ Макавеевъ, но никакъ не вниманіе Христа. Впрочемъ, молчаніе Христа по политическимъ вопросамъ имѣетъ еще другое объясненіе. Гдѣ бы ни явился Христосъ, Онъ могъ бы ни однимъ словомъ не обмолвиться по всѣмъ этимъ вопросамъ. Его миссія была гораздо болѣе важная и глубокая. Онъ пришелъ разрѣшать не частные вопросы человѣческихъ взаимоотношеній, но дать общіе основы и принципы человѣческой дѣятельности вообще. Вѣдь всякаго рода политическіе вопросы имѣютъ свое разрѣшеніе въ общихъ этическихъ основоположеніяхъ. Они выводятся изъ послѣднихъ, какъ геометрическія теоремы изъ опредѣленій и аксіомъ. Христосъ долженъ былъ прежде всего дать *основы* христіанскаго міросозерцанія и этики. Примѣненіе же этихъ основъ къ историческимъ условіямъ и задачамъ должно было составить задачу всѣхъ послѣдующихъ христіанъ. Требовать отъ Христа разрѣшенія политическихъ вопросовъ было бы такъ же несправедливо, какъ требовать отъ Ньютона постройки паровыхъ машинъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло касалось основныхъ принциповъ, а не техническаго ихъ примѣненія къ частнымъ случаямъ. Политика есть, въ сущности, прикладная этика или вѣрнѣе должна ею быть. И не дѣло творца новой этической системы разсматривать частные случаи ея примѣненія. Такимъ образомъ, *молчаніе Христа по политическимъ вопросамъ не есть отрицаніе отъ общественно-политической жизни и ея игнорированіе, но, напротивъ, ея полное предопредѣленіе въ духѣ христіанской этики.* Подобно великому математику, прекращающему свое изслѣдованіе тамъ, гдѣ оно переходитъ въ элементарныя частности, и Основатель христіанства, ставившій основною заповѣдью любовь къ ближнему, не считалъ нужнымъ говорить о безнравственности рабства, о равенствѣ правъ на личную свободу, о необходимости отдыха для бѣднаго, какъ и для богатаго и т. п., вытекающихъ изъ этого

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


основоположенія истинахъ. *Политика не отдѣлялась отъ христіанства, но предполагалась уже его основоположеніями.* И если христіанская политика до сихъ поръ не осуществлена, то уже, конечно, не потому, чтобы ея истины было такъ трудно вывести изъ христіанства, а только потому, что для ея осуществленія нужны усилія человѣческой воли и искреннее исповѣданіе христіанства не только въ церковныхъ обрядахъ и вѣроученіяхъ, но въ области человѣческихъ отношеній и дѣйствій. Этотъ пробѣлъ и долженъ быть восполненъ обновленнымъ христіанствомъ.

---

Если христіанство не содержитъ въ своемъ ученіи ничего принципіально исключающаго его активное воздѣйствіе на политику, то является вопросъ, какимъ должно быть это воздѣйствіе по формѣ и по существу.

Несомнѣнно, что христіанская политика должна опредѣляться конечною цѣлью христіанства. Конечно, ея основныя черты могутъ быть выведены изъ основоположеній христіанской морали. Однако самыя *эти основоположенія* и вообще общій характеръ всякой христіанской дѣятельности становятся ясными и понятными только съ точки зрѣнія ея конечной цѣли. Христіанская мораль насквозь телеологична; она вся цѣликомъ выводится изъ конечнаго идеала христіанства—Царства Божія. Христіанство есть религія, возвѣщающая спасеніе отъ зла эмпирической жизни, величайшимъ проявленіемъ котораго является смерть. Кромѣ отрицанія зла христіанскій идеалъ заключаетъ въ себѣ положительную идею новой совершеннѣйшей и блаженной жизни въ Богѣ и съ Богомъ. Идеалъ этотъ представляется осуществимымъ въ формѣ организаціи безсмертныхъ существъ, объединенныхъ Божественнымъ разумомъ и силою, въ гармоническое единство, т. е. въ *Царство Божіе*. Понятіе Царства Божія является основнымъ (хотя и наименѣе яснымъ) въ христіан-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



скомъ міровоззрѣніи, опредѣляющимъ его сущность. Собственно говоря, Царство Божіе является не только конечнымъ, но и исходнымъ понятіемъ христіанства. Первоначальное состояніе міра по существу тоже было царствомъ Божіимъ. Къ такому же Царству Божію долженъ онъ вернуться, обогащенный весьма важнымъ опытомъ бытія внѣ Бога. Конечно, Царство Божіе до грѣхопаденія и Царство Божіе, принявшее въ себя прошедшее черезъ грѣхъ человѣчество, имѣетъ по идеѣ своей большое различіе. Но наряду съ этимъ различіемъ въ немъ есть основная неизмѣнная черта первостепенной важности; эта черта—понятіе свободы. *Царство Божіе и было и будетъ царствомъ свободы*, а не принужденія. Какъ Адамъ, отпавшій отъ Бога и отъ бытія съ Богомъ, былъ свободенъ въ этомъ своемъ отпаденіи, такъ и обращенные къ Богу свѣтомъ христіанства потомки Адама такими же свободными должны войти въ Царство Божіе.

Самымъ существеннымъ въ понятіи Царства Божія является то, что въ немъ мыслится живое и непосредственное взаимодѣйствіе съ Богомъ. Евангеліе не говоритъ объ обществѣ свободныхъ и совершенныхъ существъ, наслаждающихся мирною и блаженною жизнью въ силу естественнаго согласованія ихъ интересовъ. Такой апоѳеозъ человѣческой исторіи не имѣлъ бы никакого религіознаго значенія. Въ немъ не было бы мѣста самому важному фактору міровой исторіи—Богу. Евангеліе говоритъ именно о Божіемъ Царствѣ, т. е. объ организаціи, опредѣляющейся въ своихъ взаимоотношеніяхъ Богомъ. Въ этомъ только залогъ безконечнаго существованія этого царства и его неисчерпаемой жизненной полноты [1]). Представить себѣ въ какихъ-либо кон-

[1]) Думать иначе, т. е. приписывать конечнымъ существамъ безкопечную силу творчества и самосохраненія, значитъ или

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


кретныхъ формахъ это безконечное существованіе и жизненную полноту царства Божія, конечно, невозможно, такъ какъ всѣ образы и понятія эмпирической дѣйствительности являются для этого совершенно непригодными. Но желать такого представленія значило бы гнаться праздным любопытствомъ. Для пониманія основъ христіанства и всѣхъ вытекающихъ слѣдствій важно освѣтить идею царства Божія хотя бы только чрезъ посредство самыхъ общихъ понятій.

Основнымъ вопросомъ, касающимся идеи царства Божія, является вопросъ о способѣ согласованія воли отдѣльныхъ существъ, входящихъ въ него, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ отношеніи къ Богу. Это согласованіе можетъ быть достигнуто принужденіемъ или свободною дѣятельностью существъ, направленною къ поддержкѣ единства цѣлаго. Та совершенная организація, которая мыслится въ царствѣ Божіемъ, исключаетъ, конечно, всякое предположеніе о взаимодѣйствіи по принужденію. Принужденіе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ нѣтъ никакой организаціи или гдѣ организація несовершенна. Принужденіе предполагаетъ чисто механическую связь и соотношеніе и совершенно невозможно при внутреннемъ единствѣ и гармоніи. Царство Божіе неизбѣжно приходится мыслить, какъ существованіе и дѣятельность, основанныя *на абсолютно свободномъ согласованіи воли* всѣхъ входящихъ въ него индивидуальностей. Только при такомъ предположеніи имѣетъ смыслъ вся всемірная исторія и весь процессъ христіанизаціи человѣчества. Если бы можно было создать высшую форму бытія по принужденію, то, конечно, для божественнаго могущества не зачѣмъ было бъ ждать нравственнаго перерожденія людей — Царство Божіе могло-бы быть образовано изъ всего налич-

---

признавать Бога для міра излишнимъ или признавать многобожіе, т. е., въ сущности, входить въ атеизмъ, ибо Богъ по истинному понятію своему одинъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


наго состава человѣчества въ любой моментъ. Зло и добро послужило-бы одинаково пригоднымъ матеріаломъ въ такомъ технически-насильственномъ соединеніи частей. Очевидно, что для Царства Божія нужны не просто силы и энергіи духовныхъ существъ, но силы извѣстнымъ образомъ и при томъ свободно направленныя. Только на почвѣ такого добровольнаго единенія индивидуальностей можетъ возникнуть та блаженная жизнь, которую обѣщаетъ Евангеліе своимъ послѣдователямъ. Итакъ, основа Царства Божія заключается *въ свободномъ согласованіи воли Бога и всѣхъ существъ*, согласованіи, основанномъ на любви и религіозномъ отношеніи всѣхъ существъ къ Богу. Очевидно, что созданіе этой основы и составляетъ задачу христіанства на землѣ, а также задачу христіанской политики. Христіанство должно поддержать и усилить религіозное чувство и воспитать въ людяхъ любовь другъ къ другу. Но при чемъ же тутъ политика? невольно возникаетъ вопросъ.—Если все дѣло въ религіозной вѣрѣ, въ любви къ Богу и къ ближнимъ, то не все-ли равно, какова политика? Развѣ для религіозной вѣры нужна та или иная форма правленія, развѣ любовь зависитъ отъ неприкосновенности личности или отъ экономической свободы? Вотъ недоумѣнія, не выдуманныя нами, но вполнѣ реальныя и чрезвычайно распространенныя, — недоумѣнія понистинѣ загоняющія религію *отъ жизни* въ какое-то четвертое измѣреніе. Недоумѣнія эти основываются главнымъ образомъ на односторонемъ пониманіи христіанства и на полномъ непониманіи историческихъ задачъ христіанства, ихъ неизбѣжнаго развитія и измѣненія съ измѣненіемъ исторической обстановки. Обыкновенно представляютъ задачу христіанства совершенно тою же, какою она была въ первые вѣка христіанства; видятъ ее исключительно въ проповѣди христіанской морали и вѣроученія въ той самой формѣ и въ томъ содержаніи, какія они имѣли въ первые вѣка. То, что было задачей первыхъ христіанъ, жившихъ среди язычниковъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


и окруженныхъ варварами, хотятъ перенести и въ нашу обстановку. Но тѣ слова, которыя были новы для язычниковъ, которыя горѣли въ сердцахъ проповѣдниковъ и жгли слушателей, тѣ самыя слова стали холодны и мертвы въ современныхъ представителяхъ христіанства. То, что прежде возрождало религію, стало гасить остатки религіознаго чувства. Чтобы оживиться и воскреснуть, проповѣдь христіанскаго вѣроученія должна войти въ самое тѣсное соприкосновеніе съ огромнымъ количествомъ новыхъ понятій и мнѣній, должна счесться съ множествомъ новыхъ сомнѣній, удовлетворить новымъ запросамъ. Для всего этого нужно совершенно особая подготовка, совершенно иной строй церковной жизни, а главное полная свобода обсужденій всѣхъ этихъ новыхъ вопросовъ, полная свобода религіозной совѣсти и мнѣній о религіозныхъ предметахъ. Чтобы побѣдить своихъ противниковъ, религія прежде всего должна имъ дать полную свободу. А вопросъ о свободѣ религіознаго исповѣданія, вѣроученія и его открытаго высказыванія есть уже вопросъ политическій. Итакъ, даже въ сферѣ своего вѣроученія, своей теоріи христіанство въ наше время неизбѣжно сталкивается съ политикой и можетъ провести свои реформы только на почвѣ реформъ политическихъ. Но кромѣ вѣроученія, кромѣ теоріи христіанство имѣетъ вѣдь еще и мораль; оно заинтересовано не только мыслями и идеями человѣчества, но и его дѣйствіями и чувствами. И, какъ мы старались выяснить въ началѣ нашей статьи, вопросы христіанской практики выступаютъ теперь на первый планъ. Христіанство уже двѣ тысячи лѣтъ учило тому, какъ надо вѣрить и жить—учило въ общихъ формулахъ и выраженіяхъ, говоря о людяхъ, словно о жителяхъ другой планеты. Пора же, наконецъ, ему обратиться отъ общихъ формулъ къ конкретной дѣйствительности, пора перестать говорить о праведникахъ и грѣшникахъ, рисуя ихъ въ своемъ воображеніи, а указать ихъ въ наличной дѣйствительности. Словомъ, хри-



Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


стіанство должно произвести правдивую и нелицепріятную оцѣнку всей конкретной жизни въ ея общихъ проявленіяхъ. Только тогда оно изъ навязнувшаго въ ушахъ резонерства и рутины превратится въ живое дѣло воспитанія человѣчества. Такимъ образомъ, христіанская проповѣдь, имѣя своею конечною цѣлью то же самое воспитаніе духа, что и въ первые вѣка, должна принять совершенно иной видъ, касаться другихъ вопросовъ и вестись въ другой формѣ. И въ этомъ своемъ обновленномъ видѣ, принявшая въ расчетъ опытъ всей исторіи, она неизбѣжно должна войти въ обсужденіе общихъ политическихъ вопросовъ и создать христіанскую политику.

Прежде всего слѣдуетъ выяснить, что собственно относится къ христіанской политикѣ, чѣмъ характеризуется область ея интересовъ.

Утверждая связь религіозной и политической жизни и необходимость взаимодѣйствія между ними, мы не можемъ не признать также и ихъ глубокаго различія. Религія интересуется только тѣмъ въ политической жизни, что имѣетъ нравственный или религіозный и при томъ принципіальный интересъ, между тѣмъ какъ къ политикѣ относится множество вопросовъ въ этомъ отношеніи совершенно безынтересныхъ. Конечно, все въ жизни можно привести въ прямую или косвенную связь съ нравственностью. При желаніи можно установить связь между нравственностью и пошлинами на желѣзо или проведеніемъ шоссейныхъ дорогъ. Но религія, конечно, не можетъ и не должна учитывать всю эту сложную сѣть переплетающихся отношеній. Религія не должна вникать въ технику промышленныхъ отношеній, не должна оцѣнивать концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ или слѣдить за прочностію мостовъ. Ея область принципы, а не частности жизни. Но кромѣ этого ограниченія интересовъ религіи вопросами принципіальными необходимо также ограничить ея область въ другомъ отношеніи. Существуютъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


основные и принципіальные политическіе вопросы, рѣшеніе которыхъ имѣетъ громадное значеніе для всей духовной жизни, и тѣмъ не менѣе не подлежащіе обсужденію съ религіозной точки зрѣнія. Такова, напр., по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ проблемъ внутренней политики—о формѣ правленія и государственности. Религія заинтересована лишь однимъ, чтобы правительство отвѣчало установленному ею нравственно-религіозному идеалу, чтобы между нимъ и народомъ была внутренняя и при томъ не насильственная связь. А въ комъ осуществится этотъ идеалъ, въ одномъ лицѣ или во многихъ, какъ именно должна осуществиться связь народа съ правительствомъ,—это не подлежитъ обсужденію религіи. Всѣ эти вопросы, коль скоро установленъ основной нравственный принципъ, получаютъ уже такъ сказать технической характеръ. Религія даетъ нравственный принципъ—осуществленіе наибольшей свободы,—и уже дѣло чистой политики обсудить, при какихъ условіяхъ она достижима и что дастъ наибольшія гарантіи ея сохраненія. Во всѣ эти вопросы, гдѣ нужно изслѣдовать технику государственныхъ соотношеній, гдѣ нужно взвѣшивать и измѣрять, что *больше*, что *меньше*, призывать на помощь теорію вѣроятностей и т. п., религія не имѣетъ надобности вмѣшиваться. Вообще религія не можетъ брать на себя рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ должна быть достигнута та или иная общественно-нравственная норма. Въ политикѣ ее можетъ интересовать только принципіальное *что*, а не техническое *какъ*. Послѣднее принадлежитъ всегда общественной наукѣ и практикѣ.

Основнымъ принципомъ христіанства по отношенію къ политикѣ мы считаемъ полную свободу въ общественной и индивидуальной жизни, свободу всѣхъ мнѣній и дѣйствій, кромѣ тѣхъ, которыми нарушаются основныя права человѣка,—право жизни, право свободы и право личной неприкосновенности. Государство никогда не можетъ быть основано на насиліи. Къ такому государству христіанство всегда

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



можетъ примѣнить суровую характеристику Тертулліана, называвшаго государство порожденіемъ діавола. Это требованіе свободы съ очевидностью вытекаетъ какъ изъ завѣтовъ Христа, такъ и изъ конечной цѣли христіанства — царства Божія. Разъ основой христіанской организаціи должны быть любовь и сочувствіе, то тѣмъ самымъ исключается, въ качествѣ такой основы, внѣшняя сила и принужденіе. Свобода, являющаяся основнымъ принципомъ всего міроустройства, не можетъ не быть и самымъ главнымъ принципомъ и государства. На насиліи и принужденіи, какъ мы уже выяснили, могутъ основываться лишь механическія системы, а не живыя организаціи. Конечный же результатъ всякой механической системы — распаденіе и хаосъ. Только организація, крѣпкая не внѣшними связями, но внутреннимъ сцѣпленіемъ частей, можетъ расти и развиваться, можетъ сохранять свое единство при постоянномъ измѣненіи. Христіанство можетъ допустить всякую форму правленія лишь бы она была связана съ гражданскою свободою. Вопросъ-же о томъ, какая именно форма наиболѣе гарантируетъ эту свободу, какъ вопросъ политической техники и расчета, для христіанства, въ сущности, безынтересенъ. Это не мѣшаетъ въ опредѣленныхъ историческихъ положеніяхъ оцѣнивать съ точки зрѣнія христіанства *конкретныя выраженія* той или иной формы. У христіанства нѣтъ принципіальныхъ данныхъ вооружаться противъ монархіи вообще и провозглашать необходимость республики. Но христіанство можетъ быть самымъ рѣшительнымъ врагомъ *данной конкретной* монархіи и требовать ея моральнаго ниспроверженія. Вообще надо отличать теорію христіанской политики отъ христіанской политической практики. Если теорія интересуется только общими принципіальными вопросами, то, наоборотъ, практическая дѣятельность *во имя христіанскихъ* идеаловъ можетъ найти величайшій религіозный интересъ во многихъ частныхъ вопросахъ конкретной жизни. Въ любомъ ничтожномъ явленіи можетъ завязаться узелъ величайшей моральной

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


борьбы за правду и справедливость. Поэтому нѣкоторая абстрактность христіанства въ области общихъ принципіальныхъ вопросовъ не исключаетъ его самаго дѣятельнаго и вполнѣ опредѣленнаго участія въ конкретныхъ политическихъ столкновеніяхъ. И христіанинъ, терпимый въ теоріи ко всѣмъ формамъ правленія, взятымъ in abstracto, въ конкретной жизни можетъ и долженъ съ негодованіемъ обличать все зло *этой данной* монархіи и ратовать за какое-либо другое государственное устройство.

Утверждая свободу, какъ основной христіанскій принципъ всякаго государственнаго устройства, мы не хотимъ тѣмъ самымъ исключить изъ государственной жизни все то, что относится къ категоріи правъ и обязанностей. Извѣстное *самоограниченіе* индивидуальностей ради высшаго и всеобщаго есть необходимое условіе даже идеальной божественной организаціи. Въ человѣческомъ несовершенномъ обществѣ къ самоограниченію слѣдуетъ прибавить еще ограниченіе однихъ другими. Но это вовсе не уничтожаетъ принципа свободы, *потому что ограниченіе должно быть допускаемо именно только въ защиту принципа свободы.* Кромѣ того и въ человѣческомъ обществѣ *оно не должно быть совершенно внѣшнимъ.* Оно должно все-таки имѣть свое основаніе въ добровольно принятыхъ общихъ принципахъ государственнаго устройства и тѣмъ самымъ имѣть характеръ самоограниченія. И въ христіанскомъ государствѣ всякое насиліе и безобразіе должно быть подавляемо и ограничиваемо. Но такое подавленіе и ограниченіе должно все-таки вытекать изъ тѣхъ самыхъ законовъ и установленій, въ которыхъ принималъ прямое или косвенное участіе тотъ, на кого ограниченіе простирается. При такомъ условіи ограниченіе человѣческой воли теряетъ характеръ чисто внѣшняго насилія. *Человѣка можно принуждать повиноваться государственному порядку лишь въ томъ случаѣ, если онъ его добровольно принялъ и если онъ имѣлъ въ его установленіи прямое или косвенное участіе.* Этимъ опредѣляются два весьма важныхъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


условія государственной жизни съ христіанской точки зрѣнія: 1) участіе каждаго гражданина въ государственной жизни (голосованіемъ вопросовъ или избраніемъ представителей) и 2) присяга въ формѣ сознательнаго выраженія согласія на основные принципы государственнаго устройства. Клятва въ вѣрности отдѣльнымъ лицамъ должна быть замѣнена признаніемъ незыблемости основныхъ освященныхъ религіей правъ человѣка.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ принциповъ государственной жизни, которые стоятъ въ основѣ внутренней политики всѣхъ государствъ. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно неприкосновенность личности, свобода собраній, печатнаго и устнаго слова осуществлены уже давно въ европейскихъ государствахъ и близки къ дѣйствительному осуществленію у насъ въ Россіи. Одинъ же изъ этихъ принциповъ—освобожденіе отъ экономической зависимости—нигдѣ еще не получилъ своего полнаго осуществленія и, повидимому, долго еще будетъ служить поводомъ политической борьбы.

Обратимся прежде всего къ неприкосновенности личности и къ правовымъ гарантіямъ ея физической свободы. На первый взглядъ можетъ показаться, что именно объ этомъ то именно и не слѣдуетъ заботиться христіанству, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о *внѣшней* свободѣ и *внѣшней* неприкосновенности. Христіанство же заботится о внутреннемъ духовномъ мірѣ. Возможна даже такая парадоксальная точка зрѣнія на этотъ вопросъ, что чѣмъ больше насилій, чѣмъ больше невинныхъ жертвъ заключено въ тюрьмахъ,—тѣмъ лучше для торжества христіанства, тѣмъ большее число людей достигаетъ спасенія. Прибѣгаютъ при этомъ нерѣдко къ извѣстному тексту: „не бойтесь убивающихъ тѣло, но убивающихъ душу“. Это мнѣніе, нерѣдко внушаемое представителями политической реакціи, имѣетъ въ своей основѣ двѣ крупныхъ ошибки. Во-первыхъ, точка зрѣнія на тюрьмы и насиліе, какъ на единственные провод-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


пики въ царство Божіе, совершенно не вѣрна. Христосъ, правда, обѣщалъ царство Божіе всѣмъ пострадавшимъ за имя Его, но никогда не говорилъ, чтобы такое страданіе было единственнымъ условіемъ для его достиженія. Вообще взглядъ на страданіе, какъ на что-то *по существу* необходимое для спасенія души и вѣчной жизни, глубоко ложенъ. Терновый вѣнецъ есть лишь попутное обстоятельство христіанской дѣятельности. Онъ неизбѣженъ лишь постолько, поскольку міръ весь во злѣ лежитъ. Зло міра сего не можетъ переносить открытаго провозглашенія добра,—отсюда страдальческій обликъ добра. Но изъ этого никогда не слѣдуетъ выводить, что христіанство требуетъ страданій и всякаго рода отреченія отъ благъ міра сего ради самихъ страданій, т. е. дѣлать христіанство какой то кровожадной религіей, жаждущей крови и страданій во что-бы то ни стало. *Призывъ Христа къ страданіямъ и гоненіямъ есть не столько требованіе, сколько предсказаніе.* Зная, что зло міра сего въ немъ неуничтожимо, Христосъ предрекалъ страданія и мученичество, какъ нѣчто неизбѣжное. Но это неизбѣжное, *никогда нельзя превращать въ нѣчто нужное и желательное.* Страданіе есть всегда слѣдствіе зла и принципіально проповѣдывать страданіе значило бы принципіально служить злу. Все это не мѣшаетъ видѣть въ страданіи весьма важный и великій моментъ духовнаго возрожденія, это не мѣшаетъ даже его при случаѣ благословять и призывать. Въ страданіи, конечно, есть нѣчто благодѣтельное, поскольку оно отвращаетъ отъ зла и приводитъ къ добру. Зло, скрытое, не обнаружившееся еще въ страданіи, конечно, хуже зла, проявившагося въ страданіи. Но на землѣ есть достаточно враждебныхъ христіанству силъ, дѣлающихъ проповѣдь страданія совершенно излишней. Поэтому человѣчество можетъ снимать всѣ цѣпи и разбивать затворы темницы, не боясь за небесное блаженство закованныхъ и заключенныхъ. Они найдутъ свое страданіе, если оно имъ *нужно*, и безъ цѣпей и безъ темницъ, а быть можетъ, найдутъ и царство небесное безъ земного страданія.

Предоставлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии



Религіозный индифферентизмъ къ вопросу о физической свободѣ и неприкосновенности, а также оправданіе существующихъ насилій, имѣетъ въ своей основѣ еще одну ошибку, это игнорированіе другой дѣйствующей стороны. Обыкновенно разсматриваютъ только участь страдающихъ отъ насилій и лишенія свободы и совершенно забываютъ тѣхъ, кто является прямымъ или косвеннымъ виновникомъ человѣческихъ страданій, забываютъ о громадной массѣ человѣчества, играющей роль равнодушныхъ зрителей, виновныхъ въ своемъ равнодушіи и бездѣйствіи по отношенію къ совершающемуся злу. Здѣсь уже идетъ рѣчь не о страдальческомъ вѣнцѣ, а о спасеніи огромной части человѣчества отъ тяжкаго грѣха убійства и насилія или попустительства. И мимо всего этого можетъ ли равнодушно проходить христіанство и утверждать, что все это для Христа и Его грядущаго царства вполнѣ безразлично? Впрочемъ, по отношенію къ нашему вопросу только наиболѣе смѣлые и принципіально мыслящіе люди занимаютъ разсмотрѣнную нами выше позицію. Обыкновенно существующія формы узаконеннаго насилія и лишенія свободы оправдываются, какъ необходимыя для сохраненія государственнаго строя и общественнаго порядка. Для обсужденія вопроса въ этой его формѣ съ точки зрѣнія христіанства необходимо взять его нѣсколько конкретнѣе и войти въ нѣкоторыя детали. Здѣсь мы имѣемъ во 1-хъ юридическое убійство или смертную казнь. Съ точки зрѣнія христіанства здѣсь не можетъ быть двухъ мнѣній. Христосъ никогда не отмѣнялъ древняго закона „не убій“, и никакая юриспруденція не можетъ сдѣлать причиненіе смерти нравственно оправдываемымъ актомъ. Помимо того, что къ этому есть глубокія метафизическія основанія, касаться которыхъ здѣсь было бы неумѣстно, смертная казнь *не можетъ быть оправдана и съ морально психологической* точки зрѣнія. Она всегда указываетъ на месть или злобу, т. е. чувства, исключаемыя христіанской этикой. Истинно христіанское отношеніе къ своему врагу никогда не можетъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


допустить его убійства, хотя бы въ цѣляхъ самозащиты. Жизнь не должна быть для христіанина настолько дорога, чтобы самому совершать убійство. Точно также убійство не можетъ служить средствомъ для защиты другихъ. Нельзя на смерть *одного* смотрѣть какъ на условіе жизни *многихъ*. Законъ „не убій“ содержитъ въ себѣ нѣчто принципіальное, не допускающее ариѳметическихъ выкладокъ, подсчета страданій и выбора одной жертвы вмѣсто многихъ. Такіе выборы и расчеты должны быть предоставлены волѣ Бога. Человѣкъ можетъ, конечно, стать орудіемъ Его карающей десницы, но эта роль никому не должна служить соблазномъ къ убійству. Пусть эта роль принадлежитъ не знающимъ или не принимающимъ закона „не убій“, не почуствовавшимъ его въ своемъ нравственномъ сознаніи, словомъ тѣмъ, кто можетъ совершить убійство съ невѣдѣніемъ заключающагося въ немъ грѣха. На христіанина же такая роль не можетъ быть возложена, а потому и не можетъ быть имъ принимаема.

Вообще христіанство никогда не можетъ практиковать никакого насилія съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ. Но оно можетъ оправдать нѣкоторыя формы насилія въ обществѣ *не проникнутомъ еще всецѣло началами христіанства*, какъ наименьшую форму зла, какъ средство предотвратить всеобщее человѣческое озлобленіе другъ противъ друга и постоянную вражду изъ за нарушенія личныхъ правъ. Здѣсь важно подчеркнуть, что то зло, ради котораго христіанство можетъ оправдать насиліе, не есть зло, понимаемое въ обычномъ смыслѣ какого-либо ущерба или убытка, но исключительно зло моральное; оно состоитъ не въ лишеніи имущества или не въ нанесенномъ ударѣ, но въ тѣхъ чувствахъ, которыя при этомъ осуществляются, въ сознаніи дѣлающихъ зло и его испытывающихъ. Оправдывая поддержаніе правового порядка, хотя-бы посредствомъ насилія, христіанство должно имѣть исключительною цѣлью избѣжать проистекающихъ отъ нарушенія этого порядка нравственныхъ бѣдствій, состоящихъ въ безпорядочномъ самосудѣ и безудержной не-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


ненависти. Само собою разумѣется, что насиліе ради этой цѣли можетъ быть допускаемо только въ крайнихъ и необходимыхъ случаяхъ. Конечно, никакая теорія не можетъ въ точности установить тотъ родъ и видъ преступности, который допускаетъ обращеніе къ насилію. Это уже дѣло жизненнаго опыта и извѣстнаго рода нравственнаго глазомѣра. Поэтому-то рѣшенія о лишеніи свободы и вообще всякаго рода примѣненіе насильственныхъ мѣръ могутъ исходить изъ государственныхъ инстанцій, наиболѣе гарантирующихъ правильность оцѣнки преступныхъ дѣйствій. Такими инстанціями, конечно, могутъ быть только учрежденія, осуществляющія соборное нравственное сознаніе общества, т. е. судъ присяжныхъ. Вообще на лишеніе свободы надо смотрѣть, какъ на актъ чрезвычайной важности и величайшей отвѣтственности. Вотъ та точка зрѣнія, которая только и можетъ быть пріемлема съ точки зрѣнія христіанства и съ которой только и можно подходить къ практическому рѣшенію даннаго вопроса въ христіанскомъ государствѣ. Самое-же рѣшеніе его на практикѣ уже не относится къ области религіознаго интереса, а должно быть объектомъ юридической теоріи и техники.

Но, въ сущности, вопросъ о неприкосновенности человѣческой личности имѣетъ политическій интересъ не по отношенію къ уголовной практикѣ. Неприкосновенность личности защищается главнымъ образомъ противъ притязаній государственной власти прибѣгать къ мѣрамъ насилія ради сохраненія своихъ прерогативъ и полномочій. Поскольку эти мѣры направляются противъ лицъ, дѣйствующихъ насиліемъ, государственная власть имѣетъ тѣ-же основанія въ защитѣ, что и всякое частное лице. Но когда эти мѣры насилія направляются противъ лицъ, посягающихъ на власть морально, т. е. подрывающихъ ея авторитетъ и санкцію въ сознаніи гражданъ путемъ критики и осужденія, мы имѣемъ дѣло съ особымъ видомъ самозащиты. Здѣсь уже защищается не право существованія неприкосновенности или собственности, право, которымъ одарена каждая человѣческая личность, но

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


спеціальное право власти и авторитета,—право, подлежащее всегда особому оправданію передъ Богомъ и людьми. Въ этихъ случаяхъ самозащита, выражающаяся въ лишеніи свободы, не только не является нравственно допустимой съ христіанской точки зрѣнія, но должна быть признана величайшимъ грѣхомъ самопревознесенія и самовозвеличенія. Власть, ставящая себя выше человѣческой критики, создающая особую прерогативу неприкосновенности со стороны свободнаго сужденія, дѣлаетъ себя богомъ. Первая обязанность всякой земной власти—это именно обязанность оправданія себя, какъ власти. Эта обязанность не только не позволяетъ ей дѣлать себя неприкосновенной для критики, но заставляетъ ее постоянно провѣрять право на свои исключительныя полномочія передъ своею совѣстью и судомъ всѣхъ гражданъ. Это, конечно, не имѣетъ своего прямого подтвержденія въ Евангельскихъ текстахъ, но вытекаетъ съ очевидностью изъ всего духа христіанства. Ничто такъ не бичевалось Христомъ, какъ человѣческая самоувѣренность и косное упорство въ своихъ преимуществахъ и правотѣ. Злѣйшими врагами Христа были не нарушители уголовнаго кодекса, а представители оффиціальной власти и авторитета, эти каменныя сердца, возлюбившія свое достоинство и власть превыше всего. Поэтому-то въ вопросѣ о свободѣ и неприкосновенности личности, въ области специфически политическихъ дѣяній, не имѣющихъ уголовнаго характера, истинное христіанство всегда будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто требуетъ въ этой области полной свободы мнѣній и обсужденія. *И христіанская политика всегда будетъ политикой освобожденія отъ всякой не терпящей критики человѣческой власти и авторитета.* Кто боится критики, кто не можетъ отразить ее ея-же оружіемъ—свободнымъ словомъ, тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ ея правоту.

Но каковы-бы ни были основанія для лишенія человѣка свободы, христіанская государственная власть никогда не должна забывать, что это лишеніе можетъ имѣть только одну цѣль *пресѣченіе* возможнаго зла, *изолированіе* преступника

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии


отъ человѣческаго общества. Такая цѣль совершенно исключаетъ всякія ненужныя и возмущающія душу мучительства и звѣрства и безчеловѣчное отношеніе къ заключеннымъ. Точно также, конечно, не мыслимы въ истинно христіанскомъ государствѣ военные походы внутрь страны съ полномочіями совершать убійства безъ суда и слѣдствія по случайнымъ подозрѣніямъ и доносамъ. Если съ христіанской точки зрѣнія нельзя оправдать самозащиты государства отъ свободной критики путемъ лишенія свободы, то тѣмъ болѣе преступной является государственная *месть*, состоящая въ физическомъ и душевномъ истязаніи заключенныхъ, въ убійствѣ гражданъ, степень виновности которыхъ или даже причастность къ революціонному движенію совсѣмъ не была установлена *).

*С. Аскольдовъ.*

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua